

УДК 81-139

DOI: 10.17223/19986645/70/3

Ш.К. Жаркынбекова, М.В. Логинова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СТУДЕНТ»: НАРРАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Рассмотрен студенческий нарратив, сквозь призму которого описан концепт типизируемой личности (лингвокультурный типаж «студент»). Проведена дифференциация студенческого нарратива по принципу функциональности и характера события и выделены такие разновидности повествования о студенческой жизни, как простые (обычные), комические и назидательные. Изучены особенности проявления социокультурной природы лингвокультурного типажа «студент».

Ключевые слова: социокультурный типаж, нарратив, точки зрения, сюжет, фабула, мотив.

Введение

Одним из направлений лингвокультурологии является описание типизируемых личностей, в поведении которых прослеживаются те или иные ценности соответствующей культуры (В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова, О.А. Дмитриева, О.В. Лутовинова, И.А. Мурзинова, С.В. Попова и др. [1–6]). К числу ярких представителей молодежной среды относится «студент» – человек, обучающийся в высшем или среднем профессиональном учебном заведении. Этой социальной группе молодежи присущи определенные характеристики поведения, обусловленные их возрастом и доминирующим видом деятельности. Эти признаки устанавливаются на основе описаний стиля жизни студентов, опросов информантов, а также повествований о значимых событиях в жизни молодых людей.

По нашим данным, в нарративном измерении лингвокультурные типажу еще не рассматривались в научной литературе. Сочетая две теории (теорию лингвокультурных типажей и нарративную), мы осуществляем попытку выявить характерные особенности данного типажа через повествование, поскольку специфика студенческой жизни ярко проявляется именно в эпизодах из жизни студента, запомнившихся по причине важности и значимости для него.

Типичные нарративы о студенческой жизни поддаются системному моделированию, распадаются на определенные разновидности и могут быть описаны с позиций антропологической лингвистики.

¹ Авторы выражают благодарность д-ру филол. наук, профессору В.И. Карасику за идею описать лингвокультурный типаж в нарративном измерении, за интереснейшее общение и обсуждение рассматриваемых проблем.

Материал и методы

В качестве иллюстративного материала рассматриваются нарративы о студенческой жизни:

1) опубликованные в сети Интернет (общее количество собранного материала составило 7 528 эпизодов). В собранный материал вошли истории из реальной жизни студента, притчи, смешные истории, анекдоты, афоризмы, статусы, миниатюры;

2) из художественной литературы (общее количество составило 156 эпизодов). В данной статье анализируется рассказ А.А. Десны «Грибники» из сборника «Фрагменты студенческой биографии»;

3) полученные в результате опроса (общее количество составило 102 эпизода). В эксперименте приняли участие 102 человека. Информантам было предложено написать о запомнившемся эпизоде их студенческой жизни и объяснить, чем этот эпизод им запомнился.

В работе использовались такие методы, как понятийный, нарративный, интерпретативный.

В настоящее время нарратология, или нарратологическая теория, как перспективная область филологического знания представляет научный интерес для исследователей гуманитарного направления. Основные положения современной теории повествовательных текстов базируются на исследованиях историков (Х. Уайт [7]), философов (А. Данто [8]), лингвистов (А.Ж. Греймас и Ж. Курте [9]) и собственно литературоведов (В.Я. Пропп, Б.В. Томашевский, О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтин, К. Фридеманн, Ф.К. Штанцель, П. Лаббок, Н. Фридман, В. Шмид [10–18]) и сводятся к следующему: 1) нарративами могут быть повествовательные произведения «любого жанра и любой функциональности»: роман, повесть, рассказ, пьеса, кинофильм, балет, пантомима, картина, скульптура и т.д., «поскольку изображаемое в них обладает временной структурой и содержит некое изменение ситуации» [18. С. 20; 19]; 2) базовыми понятиями теории являются: «точка зрения» [16, 19], «перспектива», «фокализация» [20], «интрига» [21], «событие» [22], связанные с категорией «события» понятия «сюжет», «фабула», «мотив», «сюжетные схемы» [23–27] и др.; 3) нарратологическая категория «точка зрения» является центральным понятием в системе события (Г. Джеймс, П. Лаббок, Ф.К. Штанцель, Б.А. Успенский, В. Шмиди др.) и реализуется в разных планах (пространственный, идеологический, временной, языковой, перцептивный) [18. С. 68]; 4) ключевым моментом в системе определения сюжета и фабулы является мотив, который «репрезентирован событиями, это обобщение событий, это единица повествовательного языка, которая обретает определенные фабульные и сюжетные свойства» [25. С. 78–79].

Нарративные тексты находятся в фокусе интересов антропологической лингвистики. Анализ именно нарративных текстов дает возможность гораздо полнее изучить природу социолингвокультурных типажей. Применительно к теории лингвокультурных типажей нас интересуют такие виды

нарратива, как простые (обычные) нарративы о студенческой жизни, комические нарративы и студенческие нарративы назидательного характера.

Простые (обычные) нарративы о студенческой жизни. Студенческие нарративы, по нашим наблюдениям, могут быть распределены и систематизированы по принципу своей функциональности и характеру событий на простые (обычные), комические и назидательные повествования о студенческой жизни. К простым (обычным) студенческим нарративам мы относим повествовательные тексты о повседневной студенческой жизни. К данной категории не относятся нарративы, в которых преобладает комическая или назидательная тональность. Рассказанные события, памятные моменты, случаи, эпизоды, произошедшие в жизни каждого студента и отложившиеся в его сознании, дают возможность рассмотреть концепт типизируемой личности с позиции «планов точки зрения», сюжетных мотивов, «понимаемых как узловые точки повествования» [28. С. 150].

Студенческие нарративы можно объединить в тематические группы: сдача первой сессии / экзамена / рубежного контроля; подготовка к экзаменам; случай в общежитии; посвящение в студенты; безвыходное положение; совместные экскурсии; празднование первого Нового года / 8 Марта / дня рождения; производственная практика; первый день в университете; спортивные события.

Для анализа и описания студенческих эпизодов были выбраны определенные показатели нарратива. В оригинальные тексты нарративов были внесены орфографические и пунктуационные исправления, не затрагивающие сути повествований.

Существует достаточно большое количество эпизодов, где мотив становится объединяющим фактором, что очень характерно именно для студенческих групп. Примерами могут стать студенческие нарративы, связанные со сдачей первой сессии, с подготовкой к первому экзамену, коллоквиуму, зачету, рубежному контролю:

1 курс. 1 государственный экзамен по истории Казахстана. Мы всем филологическим факультетом в 1 ночи на лавочке учим историю от палеолита и до наших дней;

Однажды, будучи на первом курсе обучения, проходя курс нормальной анатомии, нам с ребятами предстояла первая в жизни сессия, на которой нужно было повторить все кости и мышцы человека. Мы сутками сидели на кафедре, рассматривали кости, череп, весь скелет. Покупали еду, тут же и ели, и болтали, и над скелетом прикалывались (даже на череп черные очки одевали);

За студенческую жизнь было много запоминающихся событий, но самый, который я буду помнить постоянно, – это первая сессия, а именно, первый экзамен.

Студенты, вовлеченные в одно событие (предстоящая первая сессия), движимые одной идеей (сдать на хорошо / отлично сессию, первый экзамен и т.д.), объединенные одним мотивом (тревоги, переживания, беспокойства, волнения), достигшие поставленной цели (...и как результат –

высокий балл на экзамене, Кстати, сессию тогда сдали мы все «отлично»!), размышляют о сплоченности, вероятно, единстве студенческого коллектива (Как никогда в тот момент мы были объединены одной целью, одним порывом, Когда вместе учишь, и легче запоминается, и общаешься, питаешься), ломают стереотипы или наоборот укрепляют их в сознании студента (Говорят: «студенты всегда злые, холодные и голодные». Не знаю насчет злости, но то, что голодные и холодные, это я уже поняла), находят себя именно в таких ситуациях (Именно в тот период для меня было очень важно почувствовать себя нужным элементом в какой-нибудь ячейке общества).

Как правило, всё, что происходит в первый раз (первый класс, первый выпускной, первая любовь, первая сессия и т.д.), остается в памяти в форме яркой динамической картинки, которая способна через короткий или большой промежуток времени воспроизвести, возможно, в деталях и воссоздать цепочку событий, сохраняя эмоциональный тон, отношение и сопричастность. Одним из таких событий является первая командная победа в студенческих спортивных соревнованиях, в творческих конкурсах и даже в игре КВН:

Мой эпизод из студ. жизни связан с игрой КВН. Честно признаюсь, что с КВН-ым юмором у филфака в то время были проблемы))). И вот, учась на 2 курсе, я совершенно случайно попала в обновленную команду КВН филологического факультета. Помню, постоянные и интересные репетиции, нашего капитана Макса, который все силы приложил для того, чтобы впервые команда филфака стала чемпионами университетского КВН. Помню, это чувство победы! Помню, удивление жюри, удивление других команд, удивление зрителей... Это была настоящая победа! Пойду искать фотографии того удивительного дня).

Рассматривая мотив победы, необходимо отметить, что само обозначение или название мотива носит уже предикативный характер. Как замечает В.И. Тюпа, «по своей семантической природе подобные слова (мотив уединения) предикативны и обозначают определенное действие, с которым семантически коррелирует соответствующий глагол или устойчивое глагольное выражение» [19. С. 25]: победа – победить или одержать победу. В контексте данного нарратива семантическое поле победы включает лексемное сочетание «чемпионы университетского КВН». Именно мотив зафиксировал в языковом сознании информанта яркие воспоминания, связанные с запомнившимся событием, тем самым способствовал восстановлению событийной последовательности эпизода *игра в КВН – постоянные и интересные репетиции – капитан приложил все силы – удивление жюри, зрителей, других команд – чувство победы / настоящая победа / удивительный день*. Используя намеренно слово «удивление» трижды и прилагательное «удивительный», автор подчеркивает значимость всех репетиций и усилий капитана Макса, поскольку *впервые команда филфака стала чемпионами университетского КВН*. С уверенностью можно отметить переход мотива победы в мотив общей гордости, который эксплицирован

сочетанием *Настоящая победа!*. Можно сказать, что в студенческом «языковом осмыслении чувство гордости является идеей особых обстоятельств, исключительности, эмоционального напряжения» [29. С. 25].

Большая группа студенческих нарративов связана с общежитием, с образом жизни в стенах общежития, с людьми, которые являлись важной частью студенческих домов (сейчас более популярна форма «студенческий дом» или «дом студентов»). Студенты, проживающие в этих домах, во все времена были объединены атмосферой общежития, своего рода социальная группа со своими понятиями и ценностными установками (субкультура): *Если рассмотреть наш курс под микроскопом, как живую клетку, будет видно, что у него два ядра – Компания и Общега. Остальные – Протоплазма. В Компанию я почему-то не вошла. Может быть, потому, что я не курю, а они все курят. А может быть, просто не каждый человек создан для Компании. Общега объединяет тех, кто живет в общежитии. Я осталась в Протоплазме, между Компанией и Общегай* [30].

Следующий эпизод из жизни в общежитии рассмотрен с позиции нарратологического подхода (планов точки зрения). Чтобы проанализировать точку зрения в небольших нарративных текстах, В. Шмид предлагает метод «постановки трех вопросов, затрагивающих основные акты: 1) отбор, 2) оценку и 3) обозначение нарративных единиц – акты, которые соответствуют планам точки зрения: 1) перцептивной, 2) идеологической и 3) языковой» [18. С. 79–80].

Запомнившийся эпизод:

Как живой предстает перед глазами эпизод из студ.жизни, который произошел в общежитии. Студенты филологического факультета, как правило, занимались после обеда. Занятия заканчивались поздно. И у нас в комнате заведен был такой порядок: одна из нас после занятий возвращалась в общежитие, наводила порядок, готовила ужин, а другие работали, занимались в читальном зале, готовились к занятиям, после ужина переписывали друг у друга конспекты.

И вот мы, голодные, холодные студентки, предвкушая ужин с ароматной картошечкой в курином бульоне, который остался с прошлого вечера, открываем заветную дверь своей комнаты, и нашему взору предстала картина: сидит наша дежурная с картошкой и ножом в руках и, глядя на нас, смиренным, ангельским голоском спрашивает: а картошку почистить или в мундире...

Ярости нашей не было предела. Три часа она сидела и думала, как сварить картошку, и к тому же вылила куриный бульон. Мы еще долго подкалывали друг друга: в мундире или...

Воспоминания об эпизоде, который произошел в общежитии, позволяют выделить пространственную позицию участника события: *у нас в комнате, возвращалась в общежитие, занимались в читальном зале, открываем заветную дверь нашей комнаты*. В данном нарративе пространство определяется закрытыми помещениями, причем масштаб его конкретизируется следующими номинациями («в общежитие», «читальный зал», «у

нас в комнате», «дверь своей комнаты»), где и разворачивается действие. Обозначен мир, в котором царят свои гласные и негласные законы (*И у нас в комнате заведен был такой порядок...*), распределены роли и обязанности (*одна из нас (дежурная) после занятий возвращалась в общежитие, наводила порядок, готовила ужин, а другие работали, занимались в читальном зале, готовились к занятиям, после ужина переписывали друг у друга конспекты*).

Особую роль играет временной план точки зрения этого события, поскольку кульминационная часть его заключается в ужине (точнее, несостоявшемся ужине), а время ужина – это вечер, поздний вечер. Студент акцентирует внимание на временных элементах: *занятия заканчивались поздно* (а значит, времени перекусить не было); *готовила ужин* (связано не только с едой, но и с вечерним временем), *остался с прошлого вечера* (бережное отношение к продуктам, экономия их): *три часа она сидела и думала* (в контексте данного повествования – это целая вечность); *мы еще долго подкалывали друг друга* (осадок или впечатления от произошедшего).

В перцептивном плане точки зрения можно выделить две инстанции, сквозь призму которых событие воспринимается по-разному: студенту-рассказчику понятно, как приготовить картошку, имея куриный бульон (картошку следует почистить); для дежурной задача оказалась сложной (*а картошку почистить или в мундире...*). Как пишет В. Шмид, «самый важный фактор, обуславливающий восприятие событий, который часто отождествляется с точкой зрения... это призма, через которую события воспринимаются» [18. С. 126–127]. Обостренное чувство голода (*И вот мы, голодные, холодные студентки, предвкушая ужин с ароматной картошечкой в курином бульоне*) и неоправданные ожидания (*сидит наша дежурная с картошкой и ножом в руках и, глядя на нас, смиренным, ангельским голоском спрашивает*) рождает конфликт, требующий выбора действия (простить или наказать): *Ярости нашей не было предела. Мы еще долго подкалывали друг друга: в мундире или...*

Такое различие восприятий может быть «...следствием различий в идеологической точке зрения, которая включает в себя факторы, так или иначе определяющие субъективное отношение наблюдателя к явлению: круг знаний, образ мышления, оценку, общий кругозор» [18. С. 124]. В учебном процессе ответственным, сложным моментом является учеба (*А другие работали, занимались в читальном зале, готовились к занятиям*), бытовые вопросы менее значимы (*Три часа она сидела и думала, как сварить картошку, и к тому же вылила куриный бульон*) – это понимание автора повествования. А для дежурной приготовление картошки превратилось в сложный мыслительный процесс, возможно, связанный со знаниями в области кулинарии. В этой связи стоит отметить время как «фактор, оказывающий влияние на восприятие и передачу событий» [18. С. 125]: *поздно; голодные, холодные студентки, предвкушая ужин; три часа*.

В данном реальном (фактуальном) тексте языковая точка зрения соотносится с передачей эпизода. Использование изобразительно-выразительных

средств (эпитетов: *голодные, холодные; ароматной; заветная; смиренным, ангельским*; сравнения: *как живой*) позволяет: 1) представить яркую картину произошедшего, тем самым ввести в состояние эмоционального сопереживания (эмпатию); 2) сделать выводы, что особенность такого изложения повествования говорит о специальных знаниях в области литературы и русского языка, минимум о человеке с гуманитарным складом ума. Позиционирование себя с конкретным факультетом выражает прилагательное (адъективное сочетание) (*студенты филологического факультета*). Глаголы действия (акциональные) указывают на последовательность события: *занимались, заканчивались, возвращалась, наводила, готовила, работали, переписывали, открываем, сидит, спрашивает, подкалывали*. Создавая эффект присутствия, автор передает действия кульминационной части рассказа глаголами настоящего времени (*открываем, сидит, спрашивает*).

Для данного контекста нарративного изложения важными и значимыми в своей последовательности являются планы точки зрения: пространственная, временная, перцептивная, идеологическая, языковая.

В научной нарратологической литературе существуют различные представления точки зрения: 1) в традиционной нарратологии точка зрения представлена однопланово; 2) Б.А. Успенский предложил 4 плана ее проявления: план оценки или идеологии, план фразеологии, план пространственно-временной характеристики, план психологии; 3) Я. Линтфель разработал тоже 4 нарративных плана: перцептивно-психологический, временной, пространственный, вербальный; 4) Ш. Риммон-Кенан различает: перцептивную грань, психологическую грань, идеологическую грань. Мы придерживаемся концепции, предложенной В. Шмидом [18], и рассматриваем планы: пространственный, идеологический, перцептивный, языковой, временной.

Грамматика простых (обычных) студенческих нарративов включает следующие структурно-смысловые части сюжета: начало события (зачин, запев, вступление, экспозиция), развитие действия, кульминация и развязка (концовка). Выделяют дискретную композицию как вариант композиции, которая предполагает пропуски каких-либо ее частей [31].

Конструкции *дело было в далекие студенческие времена..., дело было на семинаре..., в старые добрые времена...* напоминают элемент «присказки» в сказках *Дело было на море, на окояне, на острове Буяне, среди воды, где деревья росли*, предназначенный подготовить слушателей к рассказыванию. Экспозиция повествований о студенческой жизни выражает настроение и отношение нарратора (*в старые добрые времена, в одном из вузов работал профессор Н., обычный день обычной практики...*), устанавливает временной отрезок произошедшего (*дело было примерно три года назад, случилось с ним еще в студенческие времена..., история эта началась тогда, когда я учился на первом курсе...*), отмечает главное действующее лицо (*жил-был на свете студент Вася..., был у меня замечательный сокурсник..., была у нас в универе преподавательница литературы...*), определяет пространственные рамки (*история эта приключилась в крупном институте..., дело происходит в поликлинике МГУ..., дело было в университете...*,

дело было на семинаре..., дело было в далекие студенческие времена...), указывает на степень реальности (такое может быть только в нашем техническом университете...); содержит такие языковые средства (однажды, как-то раз, дело было..., был такой случай...), которые дают знак о начале повествования, о начале события.

Последовательность нарративного развития действия сопровождается, как правило, указательными (дейктическими) сочетаниями, текстовыми скрепами: «так вот», «сначала», «оказывается», «теперь», «вот ведь», «тогда же», «после чего...», «потом». Кульминационный момент может иметь уточняющие элементы «и тут», «вдруг», «тут...», а для развязки характерны «так вот...», «вот так...», «вот и...», «когда стали разбираться», «получается, что...», «тогда же...», «после чего...», «кстати».

Например:

*Был такой случай, на сдаче экзамена по «Функциональному анализу», предмет заумный, и на потоке мало кто понимал его. Поэтому сдача экзамена началась с вылета студентов из аудитории с формулировкой «два, на пересдачу», в том числе и отличников, ни один еще не сдал. Но был у нас в группе парень, допустим Андрей, с вызывающе наглым поведением в отношении преподавателей, постоянно прогуливающий и умеющий удачно списать. **Так вот**, на экзамене Андрею удалось незаметно забрать тетрадку с лекциями у одногруппницы и аккуратно все переписать (математические значки и формулы). **И вот триумф**, Андрей садится к профессору и начинает вещать теоремы и доказательства, профессор поддакивает, кивает и кряхтит. Проходит минут 20, отличники с двойками смотрят в цель двери и не верят своим глазам – Андрей сидит уже полчаса и еще не вылетел, признак того, что он первый сдаст этот предмет. **Резолюция препода** всех насмешила: «Молодой человек, такой чуши я в своей жизни никогда не слышал, ну вы меня насмешили и повеселили. Два.» Когда стали разбираться, ржал весь поток, так как тетрадка была подслеповатой блондинки, ей было стыдно ходить в очках, и она переписывала лекции с доски на свое понимание и усмотрение своим блондинистым мозгом.*

Следующий сюжет эпизода состоит из семи предложений, при этом событие репрезентировано в основном односоставными предложениями (назывными, безличными). Нарративный текст содержит все необходимые структурно-смысловые части композиции повествования:

4 часа утра. День рождение подруги. Общежитие. Роковой стук в дверь, и прятки в шкафу. Пробило на смех. Засмеяться на всю секцию. Проверка осталась недовольна.

Обычное для всех событие празднования дня рождения подруги, но в необычном месте (*Общежитие*), а следовательно, в неподходящее время (*4 часа утра*). Последовательность события ясна: день рождения отмечают весело, приглашены гости и т.д., меняет ход действия стук в дверь, который создает наивысший момент эмоционального напряжения (кульминация), поскольку за нарушения требований, установленных в студенческих домах, может последовать наказание (*Роковой стук в дверь*). Мотив празд-

нования сменяется мотивом предстоящего наказания, который влечет за собой выбор действия [32. С. 282–283]: открыть дверь и признаться или попробовать избежать наказания и спрятаться (*и прятки в шкафу*). Развиваются события стремительно, поскольку мотив празднования, веселья, который служил поводом для хорошего настроения, заставляет воспринимать сложившуюся ситуацию несерьезно, играючи (*Пробило на смех. Засмеяться на всю секцию*). Ожидаемая развязка: *Проверка осталась недовольна*.

Среди простых (обычных) студенческих нарративов можно встретить исключительные, когда запоминающиеся события выходят за рамки первого дня в университете, первой сессии, сдачи первого зачета, ожидаемых случаев в общежитии, первых побед и поражений. Особенности по своей повествовательной последовательности объединены одним мотивом – мотивом судьбы, когда ситуация ставит студента перед выбором, после чего меняется направление пути и жизнь развивается иначе. Главный герой ощущает себя повзрослевшим не по мере поступления в университет, посвящения в студенты и т.д., а по ощущению своей необходимости, значимости: *было важно почувствовать себя нужным элементом в какой-нибудь ячейке общества*. Мотив поиска в шикором представлении смысла жизни, своего пути, себя и своего предназначения привел первокурсника в дебатный клуб:

Наверное, самый важный этап в жизни студента - это его первый курс. Будучи первокурсником, я являлся членом студенческого дебатного клуба, который отличался от других студенческих организаций сплоченностью, организованностью и наличием в нем прекрасных и чем-то особенных людей. По правилам, все новички должны пройти страшное, интригующее и загадочное посвящение. На посвящении я получил кучу эмоций от конкурсов, заданий от старшекурсников, танцев и т.д. Но не это сделало этот эпизод особенным, а то, что я в какой-то момент почувствовал, что нашел свой круг людей, в котором мне супер комфортно, и что теперь в моей жизни появились люди, с которыми я могу о многом говорить, пригласить их куда-нибудь на чашку кофе, в кино и т.д. Совсем как взрослый человек ☺ Тогда я почувствовал, что и я что-то представляю для других людей, раз меня приняли в этот круг. Именно в тот период для меня было очень важно почувствовать себя нужным элементом в какой-нибудь ячейке общества.

Мотив желания и мечты как ориентир судьбы представлен в повествовании о студенческой жизни Кристиана Диора: *И, хотя сам Кристиан больше тяготел к изящным искусствам, против воли отца он не пошел и в 18 лет поступил в Свободную школу политических наук*. Именно «студенческая независимость» подтолкнула французского модельера к реализации его мечты: *чаще бывал в музеях, на театральных премьерах, выставках модных художников*. В результате *Кристиан все реже появлялся на лекциях, начал посещать художественную студию, забросил политические науки*.

Комические студенческие нарративы. Достаточно большую категорию студенческих нарративов представляют комические, в основе которых лежит

смешной эпизод, забавный случай, запомнившийся именно наличием комизма или черного юмора. Нарративы с комическим эффектом чаще связаны со сдачей экзамена, с курьезными случаями в общежитии, на практике, реже на занятиях, в библиотеках, на переменах, каких-то кружках, конкурсах.

Рассказанный эпизод из студенческой жизни с позиции временного плана точки зрения приобрел комический эффект. Возможно, на тот момент доминировали нотки грусти, досады и сожаления:

После работы ночью, пришел на экзамен, готовился на один предмет, а оказалось, что экзамен по другому предмету, но сдал на 5, а тот, к которому готовился, через пару дней сдал на 4).

Сами рассказчики обозначают случившееся как «забавный случай». Однако смешное в студенческих нарративах часто находится на грани трагического или драматического:

Был еще забавный случай, когда заканчивался учебный год, и к нам приехали студенты на обучение по англ. языку. И ночью, когда двери общаги были закрыты, они захотели выйти, и я предложил выйти из окна, и один парень, используя пожарную лебедку, которую я привязал к кровати, прыгнул. Вот только он соскользнул и упал. Никто больше не захотел прыгать, и мы ждали 6 часов утра, пока двери откроют.

В рассказе «Грибники» из сборника А.А. Десны «Фрагменты студенческой биографии» [33] юмористическая тональность носит оттенок поучительности (назидательности) с элементами драматизма, начиная с экспозиции (*На последний и самый страшный экзамен литфак не осмелился прийти с пустыми руками. <...> Однако Осип Осипович от подарка отказался наотрез*). Приключение главных героев начинается с насмешки преподавателя: *«Ну зачем мне конфеты, коньяк, сигары?.. Вот если бы вы мне баночку огурцов принесли, или, еще лучше, грибов маринованных...»*. Поскольку неподготовленные студенты остались на осень, которые, как ни старались, не смогли вымолить... троечку, а однокурсники с неоднозначными намерениями посоветовали им заготовить к осени пару баночек маринованных грибов. Поучительно-комические моменты связаны с результатом сдачи последнего экзамена (*заливали тоску дешевым портвейном*), с наивностью персонажей (*Давай действительно съездим в лес, собираем грибов, замаринуем...*), с отсутствием опыта собирания грибов и знаний о лесе (*«...хочу спросить тебя – как грибник грибника: ты раньше когда-нибудь в лес за грибами ездил?»... с тем же унылым видом: «Тогда другой вопрос: ты мариновать умеешь?»; «А откуда мы пришли? Ты помнишь?»; «И выведет нас из этого чертова леса...»*), с верой и детской радостью (*«Тут грибов завались!! Только не знаю – каких...»*, *«Так что – ликуй, старик (преподаватель-экзаменатор)! Можно считать, экзамен мы уже сдали»*), с неприспособленностью (*Пошли наугад..., на дерево залезу..., несколько мгновений спустя он уже лежал на земле под деревом..., джинсы болтались на дереве..., черная – значит черника...*), с риском для жизни (*А тут еще и самочувствие стало ухудшаться..., В медпункте ребятам основательно промыли желудки...*).

В один из напряженных эмоциональных моментов юмор приобретает оттенок едко-насмешливого замечания (сарказм): *«Слушай, – прервал его Жора раздраженно, – ты случайно не в Ленинской библиотеке живешь? Каких только у тебя дома книжек нету! И про грибы, и про маринады. И про растения... А про то, как двум идиотам, заблудившимся в лесу, найти дорогу домой, – такая книжка у тебя дома есть?... Купи обязательно! Нам с тобой она еще наверняка пригодится!...»*.

Поучение воплощено в образе и действиях доброго мужика Федора, который, *взглянув на ребят с легкой укоризной, вручил... банки маринованных грибов* и искренне предложил: *«Я вас по лесу повожу, со всеми грибами познакомя... А то стыд, ей-богу: в университете учитесь. Книжки умные читаете... а родного нашего русского леса не знаете!»*.

Развязка рассказа представлена благополучным исходом (*экзамен ребята кое-как сдали*), однако с не менее смешным, поучительным и драматическим продолжением: *снова остались на лето*, и уже другой экзаменатор, *отказавшись от принесенных грибов маринованных*, сказал: *«Вот если бы вы осетринки мне принесли копченой...»*

Смешные студенческие повествования могут проявляться в разных жанрах речи. Наиболее популярный жанр юмористического дискурса – анекдот (В.Н. Дружинин, И.А. Савченко, О.А. Чиркова, В.И. Карасик, Л.И. Гришаева, Г.Г. Слышкин и др. [34–38]). В контексте данного исследования находится такая разновидность анекдота, как анекдот-повествование (анекдот-нарратив). В.И. Карасик рассматривает анекдот-повествование как: 1) «рассказ о некотором событии» и 2) «короткий диалог остроумного содержания». Оба вида анекдота-повествования «могут быть классическими нарративами, включающими экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме» [39. С. 263]:

Пришел студент экзамен по биологии сдавать, а знает только один билет – про блох. Ну зашел он в аудиторию, взял билет, читает – «блохи» (Yes!). Он начинает:

– Блохи – это насекомые, которые живут в шерсти животных, имеют длинный, острый хобот, которым протыкают кожу и пьют кровь. Блохи имеют длинные ноги, за счет которых хорошо прыгают...

Ему зачли билет, сказали взять другой. Берет – «собаки».

Он начинает:

– Собаки – животные разряда млекопитающих, они имеют 4 лапы и хвост, которые покрыты шерстью. А в шерсти, наверняка, живут блохи, а блохи – это ...

Экзаменаторы подумали, попросили еще один билет взять... Он берет – «кошки». Студент опять:

– Кошки – это животные, которые имеют 4 ноги, длинные усы и хвост. Также имеет волосяной покров, в котором, наверняка, есть блохи, а блохи – это...

Экзаменаторы в шоке... Самый главный не растерялся и говорит:

– Юноша, а что вы можете сказать нам про рыб?

Студент:

– Рыбы – это животные, тело которых покрыто чешуей. Ну а если бы они имели шерсть, то там водились бы блохи. А блохи – это ...

Достаточно большое количество студенческих анекдотов представляют короткий диалог, который тоже относится к «повествованию о речевых действиях, при этом кульминация действия может заключаться как в ответной реплике, так и в описании этой реплики» [39. С. 263]:

На экзамене студент берет один билет – не знает. Берет другой – тоже. Третий – та же беда... Так четвертый, пятый... Профессор берет зачетку, ставит ему «3». Другие студенты возмущаются:

– За что?

– Как за что, – отвечает препод, – если что-то ищут, значит, что-то знает.

Система персонажей юмористических повествований представлена в основном диадой «студент – преподаватель» или «студент – профессор», каждый из участников:

1) обладает набором соответствующих конститутивных признаков. К примеру, студент – *дурак, зато упорный; не сильно обремененный интеллектом; мало, что соображает; радостный или грустный студент*; действия студента в рамках жанра учебного дискурса экзамена обозначены ожидаемыми глаголами и глагольными сочетаниями: *расстроился; завалил сессию; когда мы тупили; усердно учит лишь один билет; возмущен низкой оценкой; грустно вздохнула*. О профессоре: *препод – важный такой; навстречу ему бородатый профессор*; основная деятельность профессора в анекдотах сводится к следующему: *внимательно выслушав ее; начинает подсказывать и задает наводящий вопрос; потерявший терпение профессор; преподаватель заинтересованно переспрашивает; на полном серьезе, неожиданно расхохотался; препод с удивлением и уважением; вы меня огорчаете*);

2) имеет свою систему ценностей:

На экзамене профессор долго слушал студента, а потом спросил:

– Скажите, что такое для вас экзамен?

– Разговор двух умных людей.

– А если один из них не совсем умный?

– Значит второй останется без стипендии...;

3) отличается коммуникативным поведением:

Студента после экзамена спрашивают одногруппники:

– Ну как, сдал?

– Сдал. Уж он меня топил, топил, а я выплыл.

Преподаватель после экзамена про этого же студента своим коллегам:

– Уж я его тянул, тянул, еле вытянул;

или анекдот-каламбур: *Почему фраза «Профессор завалил студента на экзамене» не вызывает такого леденящего ужаса, как фраза «Студент завалил профессора после экзамена».*

Следует обратить внимание на различные варианты обращения к студентам в анекдотах: уменьшительно-ласкательное с нотками иронии (го-

лубчик); фамильярно-дружеское обращение (*дорогуша*); нейтральное (*молодой человек*); вежливая форма обращения (отголоски советской эпохи) и официальная, если в сочетании с фамилией (*товарищ*). Интересна интерпретация обращения *уважаемый*, оттенок вежливости присутствует, однако это слово в коммуникативной ситуации приобретает больше сниженное (ироничное) значение или негативное (с оттенком неприязни).

Студенческие комические нарративы могут быть рассказаны в форме **байки**, или представлены в виде **карикатур**, или инсценированы как **мини-атюры** (например, в игре КВН (официальный канал КВН <https://www.youtube.com/channel/UCSZ69a-0I1RRdNssyttBFcA>, просмотренные миниатюры «Студенческая столовая», «Наглый студент», «Отчисленные студенты и профессор в одном купе» и многие другие), или сложены в **смешные стишки** (*Держать за прогул свой ответ / Был вызван к декану студент / Решил, что нагружен сполна, / Мол, лекция та не важна / И неинтересна она... / Религии посвящена / Что глупы молодые, мы знаем, / Не впрок подзатыльник давать. / Декану ж хотелось узнать: / Причина прогула, какая? / Готов был ответ свой держать. / Глаза закатив до небес, / (Находчивости не отнять): / «Простите, попутал, знать, бес!»), или сокращаться до **афоризмов** (*Студент, забывший дома шпаргалку, за словом в карман не полезет. Самая большая студенческая ложь: «Список использованной литературы»*) и даже до **статусов для социальных сетей** (*Чай студенческий: Без заварки. Без сахара; Наш девиз непобедим – мы не учим, но сдадим...; До экзаменов считают дни, после экзаменов – стипендию, а весной – студентов; Студенту, чтобы сдать экзамен, всегда не хватает одной ночи; Амбиции – это когда, идя на экзамен, думаешь, что знаешь на двойку, а когда ставят четверку, удивляешься – почему не пятерку*).*

Назидательные студенческие нарративы. Назидательные нарративы в студенческой жизни занимают особое место. Рассказанные истории, эпизоды, случаи запоминаются или запомнились по одной основной причине – они послужили уроком, возможно, изменили не только отношение, но и судьбу студента. Назидательный, согласно дефиниционной характеристике, значит «поучительный, могущий послужить уроком, назиданием (назидательный случай, назидательный пример)» [40–41]. Поучительный элемент присутствует в простых и смешных студенческих нарративах, но в них преобладает комический эффект, повествуется о мотивах выбора, переживания, неизбежности, судьбы. К поучительным жанрам относят, как правило, притчи, или истории, рассказанные в стиле притчи, которая «представляет собой инструмент мягкого, но весьма эффективного воздействия на тех, кому передается опыт поколений» [29. С. 379]. Рассмотренные нами назидательные нарративы содержат эксперимент, в результате которого делается умозаключение. Возможно, проведенные эксперименты на занятии, сделанные правильные выводы преподавателем для многих студентов послужили мотивом к определенным действиям (расставить приоритеты, ценить, относиться иначе, изменить образ жизни и т.д.).

Приведем пример поучительного повествования для студентов.

Жизненные приоритеты

Как-то раз, один профессор философии решил поговорить со своими студентами о смысле жизни. Он взял трехлитровую стеклянную банку и наполнил ее камешками не менее 3-х см. в диаметре. Наполнив камнями банку, профессор спросил у студентов:

– Полна ли банка?

Студенты ответили, что да, банка сто пудово полна!

Услышав это, довольный профессор открыл банку зеленого горошка и высыпал его в банку с камнями. Горох равномерно распределился между камнями. Прodelав эту нехитрую операцию, профессор снова спросил:

– А теперь, полна ли банка?

Студенты снова ответили, что банка полна. Еще более довольный профессор взял коробку с песком и высыпал его в банку с камнями и горошком. Как полагается по всем законам физики, песок полностью заполнил собой остатки свободного места и закрыл камни с горошком. Профессор, лукаво улыбаясь, в третий раз спросил студентов:

– Ну, умники, полна ли банка?

Студенты ответили, что на этот раз банка точно полна!

Тогда откровенно подхихикивающий профессор достал из-под стола 2 баночки сока и вылил весь сок в банку с песком, камнями и горошком.

Студенты просто ржали...

– А сейчас (сказал профессор), я хочу, чтобы вы представили себе, что банка – это ваша жизнь.

– Камни в этой банке – это самые важные вещи в вашей жизни! Такие, как семья, здоровье, друзья, в общем, всё то, что необходимо для полноты жизни, даже если всё остальное потеряется.

– Горошек – это те вещи, которые стали важными для вас! Например, работа, дом, автомобиль.

– Песок же – это все остальные мелочи, вместе взятые.

Если вначале вы наполните банку с песком, то у вас просто не останется места для камней и горошка! Уделяйте больше времени вашей семье! Общайтесь с друзьями, навещайте родных. У вас всегда будет время на то, чтобы убрать в квартире, поработать сверхурочно, заняться автомобилем...

Уделяйте больше внимания камням, то есть самым важным вещам в жизни! Четко определите ваши приоритеты. То, что осталось, – это песок.

После этих слов одна из студенток подняла руку и поинтересовалась у профессора философии:

– Скажите, пожалуйста, а при чем здесь сок?

Профессор, улыбаясь, ответил ей:

– Вы знаете, я безумно рад, что вы задали мне именно такой вопрос! Я налил в банку сок только лишь для того, чтобы доказать вам, что как бы ни были вы заняты, в вашей жизни всегда есть место для пары бутылок сока!

Как показано в нарративе, эксперимент (нехитрую операцию) проводит профессор. Сложная философская тема «смысла жизни» представлена про-

сто, наглядно, доступно, понятно для студентов, хотя за основу взята аллегория. Участие студентов ограничивается незамысловатыми ответами (*сто пудово полна; да, полна; на этот раз точно полна; просто ржали*), но каждый из них заинтересован и внимательно наблюдает. О том, что процесс «нехитрой операции» протекает с желаемым результатом и соответствующей реакцией, можно судить по коммуникативному поведению профессора (*Услышав это, довольный профессор...; Еще более довольный...; лукаво улыбаясь...; откровенно подхихикивающий...; улыбаясь, ответил...; я безумно рад...*). Учитывая особенности студенческого восприятия действительности и длительности хранения полученной информации, профессор намеренно не объясняет наличие знакомого для студентов элемента (сок). Искреннее любопытство и внимательность радуют профессора, поскольку вопрос кульминационного момента выражает равнодушие и незаинтересованность (*Скажите, пожалуйста, а при чем здесь сок?*). Развязка оказалась неожиданной: никакой иносказательности, пафоса и наставления, а легкое и простое объяснение реальности.

Этот назидательный нарратив для студентов послужит, возможно, не просто уроком, а станет основным мотивом дальнейших событий в жизни студента, который, переосмыслив свою ценностную картину мира, сделает тот или иной выбор.

В следующем назидательном повествовании в эксперимент учителя вовлечены студенты.

Привилегии и статус

Один учитель захотел рассказать своим студентам о том, что такое привилегия и изменение социального статуса. Для этого он раздал им листы бумаги и попросил скомкать их. После этого он поставил перед учениками мусорную корзину.

Он объяснил: *«Правила очень просты. Представьте, что вы – это население страны. И у каждого из вас есть шанс стать богаче и выйти на новый социальный уровень. Всё, что для этого нужно, – забросить в мусорную корзину скомканный лист бумаги, не вставая со своего места».*

С задних парт начали раздаваться возмущенные возгласы: *«Это нечестно!»* Ученики понимали, что у впереди сидящих студентов намного больше шансов попасть в цель.

Ребята начали бросать бумагу, и, как и предполагалось, большинство (но не все) из сидящих на первых рядах попали в корзину. И лишь несколько из тех, кто сидел на задних партах, справились с задачей.

Учитель подвел итог: *«Чем ближе вы были к корзине, тем больше шансов у вас было попасть. Вот что означает иметь привилегию. Но заметили ли вы, что о несправедливости говорили только те, кто сидел на задних партах?»*

С другой стороны, ученики, которые сидели впереди, даже не осознавали, что имеют привилегию. Все, что они видели, – это несколько метров, которые отделяли их от цели.

Ваша задача как студентов, которые получают образование, – осознать, что вы имеете привилегию в виде «образования» и использовать ее

для достижения своих целей, но в то же время не забывать о тех, кто позади вас».

Ценность образования для студентов заключается в осознании его получения. О важности и значимости этой «привилегии» учитель рассказывает просто (*Правила очень просты*), используя мусорную корзину и смятую бумагу, но вывод требует от студента сложного мыслительного процесса: анализа, переосмысления и переоценки.

Оба нарратива напоминают притчу: «1) содержание определенной ценности как поведенческого ориентира; 2) разновидность аллегории, т.е. предполагает однозначность истолкования; 3) в диалогическом аспекте (участниками рассматриваемых нарративов являются более мудрые и опытные (профессор философии, учитель) и молодое поколение (студенты, ученики) реакцией на притчу является понимающее молчание» [29. С. 379].

Поучительное в студенческих нарративах может быть связано непосредственно с личным опытом студента.

Из интервью с молодым режиссером

С режиссуры я грозилась уйти каждый год, потому что доводили до такого... Самый главный урок помню. Был второй курс, я показывала постановку по рассказу Куприна «Allez!». Мастер остановил показ и два часа уничтожал мой спектакль. У меня еще была самая массовая работа – 18 человек артистов, мои сокурсники все всё это слушали.

Я хожу, реву за кулисами и думаю: боже мой, какой ужас!

И тут он говорит: «Балпеисова Гульназ, сюда сядьте». Я, зареванная, села. Он: «Говорите: “Я бездарность”». Я повторяю. Он: «Я вас не слышу». Я снова: «Я бездарность». Он: «Я вас не слышу. Я вам не верю».

В общем, так продолжалось до тех пор, пока я не заорала это на весь театр, так, что стены содрогнулись. И когда это уже был вопль, он сказал: «Наконец, теперь я вам верю. Теперь из вас может что-то получиться. А вообще очень хороший отрывок, и она очень хороший режиссер, вы ей верьте».

Профессиональная ценность режиссерской деятельности – чтобы верили, а для этого необходимо проявить себя, отдаться полностью, встать на место актера, испытать на себе, вжиться в состояние героя (*И когда это уже был вопль*). Достичь понимания профессионализма, выработать необходимые навыки для будущей профессии, обладать специальными качествами – важные моменты урока или «самого главного урока», который извлекла героиня для себя.

Особенностью назидательных повествований о студентах является расширенная композиция (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, в качестве развязки обычно выступает поучительный момент, мораль).

Экспозиция представлена сложными или простыми распространенными предложениями. В качестве примеров выбраны несколько вступлений разных повествовательных текстов:

1. *Преподавательница университета на одной из пар объявила своим студентам об эксперименте, участниками которого должны были стать они все.*

2. В юридическом институте на лекции преподаватель предложил студентам разобраться с жалобой одной старушки на своего соседа по саду.

3. Один учитель захотел рассказать своим студентам о том, что такое привилегия и изменение социального статуса.

4. Как-то раз один профессор философии решил поговорить со своими студентами о смысле жизни.

Эти синтаксические конструкции дают информацию о постоянных участниках коммуникативного события. Одни из основных участников назидательных нарративов представлены разными номинациями одной профессиональной деятельности: педагог – преподавательница / преподаватель – учитель – мастер – профессор (см. примеры выше).

Другая категория участников представлена студентами – учениками. В качестве нарратора в назидательных историях может быть сам студент как участник данного события. Именно образ «рассказчика» является объединяющим фактором простых нарративов и назидательных. В таких нарративах авторское присутствие выражают личные местоимения (нам, нас, я), глагольные формы (помню, совершила): 1. *Однажды, профессор на одной из лекций представил нам новенькую.* 2. *Самый главный урок помню.*

Помимо определенного автора повествования может быть и так называемый сторонний наблюдатель. Человек со стороны не причисляет себя 1) ни к категории преподавателей: нет фразы «коллега, или знакомый профессор», вместо этого общее обозначение участника события (профессор философии, учитель, преподаватель и т.д.); 2) ни к студентам: отсутствие оценочных слов, нейтральные обозначения и фиксация / констатация увиденного (студент, молодой человек, ученики). Например:

1. *Профессор философии перед лекцией заходит в зал и раскладывает на столе несколько различных вещей.*

2. *Профессор взял в руки стакан с водой, вытянул его вперед и спросил своих учеников.*

Начало в назидательных историях не только определяет участников предстоящего события, но и пространственно-временную связь происходящего. Именно в экспозиции назидательных текстов задается пространственно-временной тон: *в юридическом институте на лекции, профессор философии на одной из лекций, преподавательница университета на одной из пар, был второй курс, я показывала постановку по рассказу Куприна «Allez!», скоро защита диплома* и т.д. Обычно соотношение пространства и времени выражают существительные, указывающие на конкретное место происходящего события (институт, университет), на форму организации учебного процесса (пара, лекция, занятие) и относящиеся к определенному периоду жизни человека, который когда-либо учился или учится (студенческие годы – время учебы). Значение именных и глагольных словосочетаний («второй курс» и «защита диплома») дают представление о времени случившегося и подразумевают место, где происходило действие (например, защита дипломных работ происходит в аудитории).

В назидательных повествованиях ход события описан более подробно, поскольку цель поучительных нарративов заключается в полном понимании студентами и осознании проводимого «эксперимента» («урока»).

Заключение

Нарративный подход в свете «нарративного поворота» гуманитарного знания позволяет комплексно, многоаспектно подойти к вопросу изучения языковой личности, учесть социокультурные, политические, психологические, лингвистические и другие важные моменты, влияющие на формирование человека, который постоянно находится в центре разных событий и проживает жизнь, наполненную именно событиями.

Изучение студенческого нарратива дает возможность в динамике представить обобщенный тип языковой личности и в последовательности развития сюжета описать особенности типичного проявления социокультурных признаков типажа «студент».

Повествовательная природа студенческой жизни включает простые (обычные), комические, назидательные нарративы, в каждом из которых проявляются типичные узнаваемые черты вербального и невербального поведения (по В.И. Карасику) типажа «студент».

Среди простых (обычных) нарративов особую группу представляют рассказанные истории, связанные с мотивом неизбежности судьбы. Композиция простых студенческих нарративов, как и назидательных, содержит обычно все структурно-смысловые элементы в «полной форме». Такая последовательность рассказанного события может сопровождаться дополнительными языковыми средствами со значением места, времени, причины, уточнения, обобщения и т.д. Композиция комических студенческих нарративов представлена обычно в «полной или свернутой формах». Эффект комизма достигается не только умением рассказать или прочесть смешно, но и тщательным подбором минимума языковых средств для передачи максимума информации.

Деятельность студента ограничивается тематическими рамками сюжета и сюжетного мотива.

С позиции теории лингвокультурных типажей «студент» является обобщенной личностью представителя определенной социальной группы (социокультурный типаж), воплощающей интеллектуальные ценности общества.

Ценностный компонент рассматриваемого типажа проявляется во всех видах студенческого нарратива. В простых (обычных) нарративах о студенческой жизни к базовым ценностям относятся нравственное проявление человеческих качеств, положительный результат деятельности. В комических нарративах ценностные характеристики положительно и отрицательно маркированы. Отрицательные ценностные характеристики проявляются в процессе высмеивания недостатков интеллектуальной природы студента, отдельных личностных качеств и несоответствующего поведения. Положительными ценностными характеристиками считаются уместные спо-

собности, креативность и критическое мышление. С иронией относятся к материальному положению студента. В назидательных нарративах ценность выражена более глубокими философскими понятиями, которые связаны с жизненными приоритетами, с более значимыми духовными и материальными ориентирами.

Использование категорий и показателей теории повествовательных текстов, нарративный анализ студенческих повествований позволяют не только выявить универсальные характеристики, присущие как некой обобщенной узнаваемой личности, но и описать национальные качества, характерные для той социальной среды, в которой формируется данный типаж. Выявление национальной специфики типажного поведения студента сквозь призму нарративных текстов станет предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005. С. 25–61.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
3. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 168 с.
4. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 519 с.
5. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева» : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 193 с.
6. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 209 с.
7. Уайт Х. Метаистория. (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург : Изда-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
8. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
9. Greimas A.J., Courtés J. Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theorie du langage. Paris, 1979. P. 249.
10. Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.
11. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. Л. : Reprint : Letehworth, 1971.
12. Фрейдсберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 227–228.
13. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 403–404.
14. Friedemann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik. Berlin, 1910. S. 26.
15. Stanzel Franz K. Theorie des Erzählens. Göttingen, 1979.
16. Labbock P. The Craft of Fiction. London, 1921.
17. Friedman N. Point of View in Fiction. The Development of a Critical Concept // Publications of the Modern Language Association of America. 1955. Vol. 70. P. 1160–1184.
18. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
19. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиперей» А.П. Чехова). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с. (Литературный текст: Проблемы и методы исследования; Серия «Лекции в Твери»).
20. Женетт Ж. Повествовательный дискурс. М., 1998. Т. 2. С. 60–280.
21. Рикер П. Время и рассказ. М. ; СПб., 2000. Т. 1. С. 208–209.
22. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии. Новосибирск : Критика и семиотика. Вып. 5, 2002. С. 5–31.
23. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 283.

24. *Силантьев И.В.* Сюжет и смысл. М. : Языки славянской культуры, 2018. 112 с.
25. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М. : Языки славянской культуры, 2004. 296 с. (Язык. Семиотика. Культура).
26. *Неклюдов С.Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2004. Вып. 2. С. 26–36.
27. *Неклюдов С.Ю.* Мотив и текст // Язык культуры: Семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого (1923–1996). М., 2004. С. 236–247.
28. *Карасик В.И.* Сюжетный мотив «бессмертия»: нарративное измерение концепта // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 149–162.
29. *Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. М. : Дискурс, 2019. 524 с.
30. *Гофман А.* Юноша с перчаткой. URL: <https://e-libra.ru/read/244356-yunosha-s-perchatkoj-rasskaz-studentki.html> (дата обращения: 20.03.2019).
31. *Великая* культура. URL: <http://velikayakultura.ru/russkiy-yazyk/funktsionalno-smyslovyye-tipy-rechi-povestvovanie> (дата обращения: 06.04.2019).
32. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
33. *Десна А.А.* Грибники // Фрагменты студенческой биографии. М., 2011. С. 4–6. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1003147/Desna_-_Fragmenty_studencheskoy_biografii.html (дата обращения: 25.03.2019).
34. *Дружинин В.Н., Савченко И.А.* Анекдот как зеркало русской семьи // Психологическое обозрение. 1996. № 1 (2). С. 18–21.
35. *Чиркова О.А.* Поэтика современного народного анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.
36. *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.
37. *Гришаева Л.И.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 107–118.
38. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 18 с.
39. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
40. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935. 1565 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101193/%D1%82%D0%B8%D0%BF> (дата обращения: 25.03.2019).
41. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, Астрель, 2006. 1160 с.

Источники иллюстративных примеров

1. talumala <http://talumala.com/ru/interesnaya-zhizn/biblioteka/pritchi?start=96>
2. <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-shkolu/anekdoty-pro-studentov/ugarnye-anekdoty-pro-studentov/>
3. zasmeshi.ru <https://zasmeshi.ru/anecdote/category/students-study.html>
4. <https://www.anekdot.ru/tags/студент/2>
5. anekdotov.net <http://anekdotov.net/anekdot/student/index-page-39.html>
6. <http://www.shytok.net/anekdots/anekdoty-pro-studentov-32.html>
7. <http://www.ceo.ru/news/business/legenda/christian-dior>
8. <https://biography.wikireading.ru/146063>
9. <https://millionstatusov.ru/statusy/student.html>
10. <https://www.youtube.com/channel/UCSZ69a-0I1RRdNssyttBFcA>
11. <https://www.anekdot.ru/tags/студент/2>
11. <http://studencheskijeanekdoty.kz.kazakh.ru/>

12. <http://istorii-i-rasskazi.smeha.net/student/32.html>

13. <http://anekdotov.net/students/index-page-19.html>

14. <https://story-house.ru/diplomat-intriga/>

The Linguocultural Type “Student”: A Narrative Dimension

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 70. 27–49. DOI: 10.17223/19986645/70/3

Sholpan K. Zharkynbekova, Maria V. Loginova, Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan). E-mail: zharkinbekova_shk@enu.kz / mariatjo@mail.ru

Keywords: linguocultural type, narrative, points of view, plot, fable, reason.

The article aims to study student narrative through which the linguocultural type “student” is considered. The analysis was based on narratives from the Internet, fiction, as well as on the results of the survey data. Overall, 7,786 episodes were analyzed. The use of conceptual, narrative and interpretative methods gave us an opportunity to characterize student narratives, highlight their varieties, and describe peculiarities of conceptual, figurative and value characteristics of the concept of the analyzed type in the context of the proposed classification. According to the research, narrative events give an opportunity to consider the linguocultural type “student” from the perspective of “planes of point of view” (according to V. Schmid), narratological instances, as well as plot reasons “considered as key points of the narrative” (according to V.I. Karasik). Typical student-life narratives go through the system modeling and then are divided into varieties such as simple (ordinary), comic, and instructive. The principle of functionality and the nature of the event are the basis for distinguishing types of student narratives. Simple (ordinary) student narratives are narrative texts about student life. By the nature of events, they can be united into thematic groups: the first exam period; preparation for exams; dormitory stories; celebration of significant dates; sporting events. Among ordinary narratives, there are special ones united by one motive of fate and its inevitability. These ordinary narratives contain situations of choice which lead to considerable changes in the student’s future life. Comic student narratives are based on funny episodes, funny incidents remembered for the comic element or black humour. Narratives with a comic effect are more often associated with passing an exam, with curious cases in a dormitory or during internship; they are presented in the genre of a joke, tale, staging, caricature, rhyme, aphorism, status for social networks. The comic conflict in humorous narratives is presented by the dyad “student–teacher”, “student–commandant”, etc., which is resolved in favor of an original decision and way out. Instructive narratives occupy a special place in student life and are presented in the style of a parable based on an experiment. The instructive moment of the experiment for many students serves as a motive for certain actions (for example, prioritizing, changing lifestyles, etc.). In spite of difficult relationships between generations, points of view and preferences, the presence of a wise mentor (teacher, master, etc.) in the life of ambitious modern students allows them to rethink the value system and determine the main guidelines. Thus, the study of student language personality through a narrative dimension gives an opportunity to consider the investigated type comprehensively and to identify significant aspects which influence the student’s image and form their life story.

References

1. Karasik, V.I. (2005) Lingvokul’turnyy tipazh “russkiy ntelligent” [Linguocultural type “Russian intellectual”]. In: Karasik, V.I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul’turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types]. Volgograd. pp. 25–61.
2. Dmitrieva, O.A. (2007) *Lingvokul’turnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka* [Linguocultural types of Russia and France in the 19th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.

3. Yarmakhova, E.A. (2005) *Lingvokul'turnyy tipazh "angliyskiy chudak"* [Linguocultural type "English eccentric"]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
4. Lutovinova, O.V. (2009) *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguocultural characteristics of virtual discourse]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
5. Murzinova, I.A. (2009) *Lingvokul'turnyy tipazh "britanskaya koroleva"* [Linguocultural type "British queen"]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
6. Popova, S.V. (2012) *Lingvokul'turnyy tipazh "shkol'naya uchitel'nitsa": sub'ektnoe pozitsionirovanie* [Linguocultural type "school teacher": positioning of the subject]. Philology Cand. Diss. Astrakhan.
7. White, H. (2002) *Metaistoriya. (Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka)* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural State University.
8. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofii istorii* [Danto A. Analytical philosophy of history]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
9. Greimas, A.J. & Courtés, J. (eds) (1979) *Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theorie du langage*. Paris: Classiques Hachette. p. 249.
10. Propp, V.Ya. (1969) *Morfologiya skazki* [The morphology of the tale]. Moscow: Nauka.
11. Tomashevskiy, B.V. (1971) *Teoriya literatury: Poetika* [Literature theory: Poetics]. Reprint: Letehworth.
12. Freydenberg, O.M. (1978) *Mif i literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Moscow: Nauka. pp. 227–228.
13. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 403–404.
14. Friedemann, K. (1910) *Die Rolle des Erzahlers in der Epik*. Berlin. p. 26.
15. Stanzel, F.K. (1979) *Theorie des Erzählens*. Göttingen: Vandenhoeck.
16. Lubbock, P. (1921) *The Craft of Fiction*. London: Jonathan Cape.
17. Friedman, N. (1955) Point of View in Fiction. The Development of a Critical Concept. *Publications of the Modern Language Association of America*. 70. pp. 1160–1184.
18. Shmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Tyupa, V.I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa ("Arkhieriy" A.P. Chekhova)* [Narratology as an analyst of narrative discourse ("The Bishop" by A.P. Chekhov)]. Tver: Tver State University.
20. Genette, G. (1998) *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 volumes]. Translated from French by N. Pertsova. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh. pp. 60–280.
21. Ricoeur, P. (2000) *Vremya i rasskaz* [Time and Narrative]. Translated from French by T. Slavko. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 208–209.
22. Tyupa, V.I. (2002) Ocherk sovremennoy narratologii [Essay on modern narratology]. *Kritika i semiotika*. 5. pp. 5–31.
23. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskustvo.
24. Silant'ev, I.V. (2018) *Syuzhet i smysl* [The plot and meaning]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
25. Silant'ev, I.V. (2004) *Poetika motiva* [Poetics of motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Neklyudov, S.Yu. (2004) "Stsenarnye skhemy" zhizni i povestvovaniya ["Scenario schemes" of life and narration]. *Russkaya antropologicheskaya shkola*. 2. pp. 26–36.
27. Neklyudov, S.Yu. (2004) Motiv i tekst [Motif and text]. In: *Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N.I. Tolstogo (1923–1996)* [Language of culture: Semantics and grammar: To the 80th anniversary of the birth of Academician N.I. Tolstoy (1923–1996)]. Moscow: Indrik. pp. 236–247.
28. Karasik, V.I. (2017) The Subject Matter Motif "Immortality": A Narrative Dimension of the Concept. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 149–162. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/61/14

29. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow: Diskurs.
30. Gofman, A. (2019) *Yunosha s perchatkoy* [A young man with a glove]. [Online] Available from: <https://e-libra.ru/read/244356-yunosha-s-perchatkoy-rasskaz-studentki.html> (Accessed: 20.03.2019).
31. Velikaya kul'tura. (2012) *Povestvovaniye kak tip rechi* [Storytelling as a type of speech]. [Online] Available from: <http://velikayakultura.ru/russkiy-yazyk/funktsionalno-smyslovyye-tipy-rechi-povestvovanie> (Accessed: 06.04.2019).
32. Karasik, V.I. (2015) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: Values, signs, motifs]. Volgograd: Paradigma.
33. Desna, A.A. (2011) Gribniki [Mushroom pickers]. In: *Fragmenty studentcheskoy biografii* [Fragments of student biography]. [Online] Available from: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1003147/Desna_-_Fragmenty_studen-cheskoy_biografii.html (Accessed: 25.03.2019).
34. Druzhinin, V.N. & Savchenko, I.A. (1996) Anekdot kak zerkalo russkoy sem'i [Joke as a mirror of the Russian family]. *Psikhologicheskoe obozrenie*. 1 (2). pp. 18–21.
35. Chirkova, O.A. (1997) *Poetika sovremennogo narodnogo anekdota* [Poetics of a modern folk joke]. Abstract of Philology Cand. Diss.
36. Karasik, V.I. (1997) Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Joke as a subject of linguistic study]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 144–153.
37. Grishaeva, L.I. (1998) Anekdot kak sposob fiksatsii sotsial'nykh norm i moral'no-eticheskikh tsennostey sotsiuma [Joke as a way of fixing social norms and moral and ethical values of society]. In: *Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Issues of philology and methods of teaching foreign languages]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 107–118.
38. Slyshkin, G.G. (1999) *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekстов* [Linguocultural concepts of precedent texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
39. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
40. Ushakov, D.N. (1935) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Sov. entsikl. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101193/%D1%82%D0%B8%D0%BF> (Accessed: 25.03.2019).
41. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes]. Moscow: AST, Astrel'.